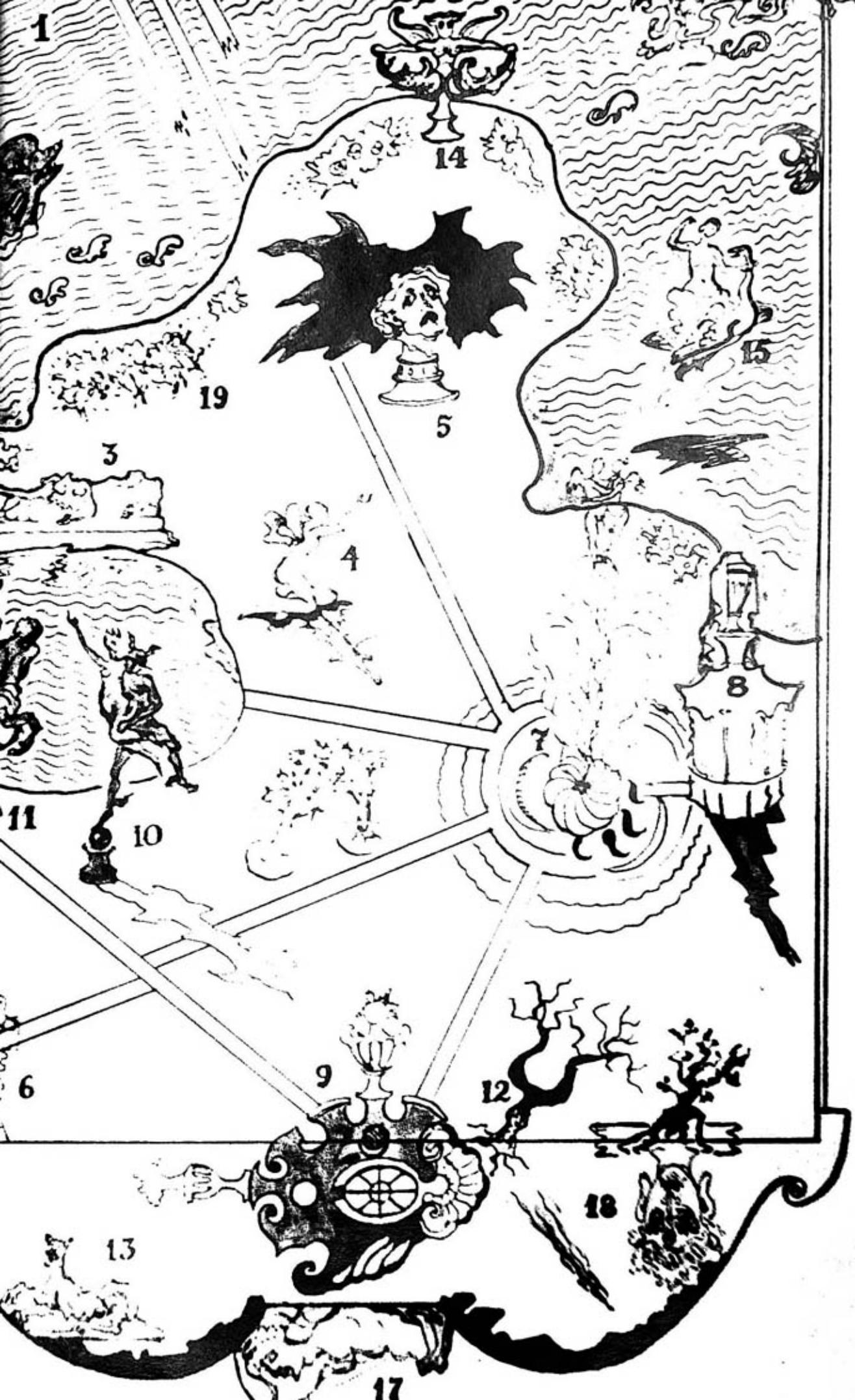

П О Э З И Я

Клена Ивари

Разбивка парка на берегу
Финского залива

дева верхом на Венеции ^{х)}
и я у нее на плече.

И склады по краям и Альпы вдалеке,
В дождь, льющий слезы обожанья,
И я мешалась - в старости, во сне
В твоих застиранных дворцах блуж-
данья.

Синий пятнает красный, а тот - зеленый,
Все погнило, промокло, заплесневело, прогнило.
Дева, кружась, упадает на дно морское
На Венеции - заплесневелом моем крокодиле.

Собрались отовсюду люди -
Все свои прегрешенья на деву кидали,
И Венецию ей подвели и винуздали
В жертву лошадь прекрасную, лошадь морскую.

Для того и явилась она на свете -
Чтобы все грехи забрала с собой
И кружась на Венеции мокром тритоне,
Она упадает на дно морское.

Как на растленном чьем-то мозге -
Верхом на груде черепниц
Виня - вот она - с лицом в известке
Мгновенно-медленно скользит.

х) Пусть "Венеция" обозначает залыв, а элегии -
статуи вокруг пруда, "Виденье церкви..." - пруд.
Все остальное читатель пусть соотносит с предметами
паркового обихода - по своей прихоти - с беседкой ли,
часовней, бескетом или скамейкой.

Внезапно сделавшись старухой
Нагая в черных кружевах
Она ядром несется глухо
И впорхнув пятками канат
с российским кладбищем в ладони
Ногтими впившись в Арсенал
На студне, изумруде, на тритоне.

Дева, все грехи принесшая
Раздувшись как вампир в гробу
И я свою в дорогу веявшая
Узелком вину на ее гробу

А Сан-Марко блестит ягненком искрящим
Розовой кожей светясь,
И летим с великаншей кренясь.
Тут схватила она, чтоб не страшно лететь
Фейерверка угасшего бледную пласть.

Разве я блудыла, лгала, убивала?
Налетели грехи отовсюду как чайки,
Как огрызов хлеба меня расклевали.
Да, я все это делала. Лицо летит разгораясь навстречу-
На ракушке, на моллюске резном упадаю в темные дали
Закрыв глаза и вцепясь в великаньи плечи.

Венеция, ты исчезаешь
Драконом в чешуе златой,
Под волны синие ныряешь
Все - с црелью и зеленою тьмой

Ты расползаешься уныло
Старинной золотой нарочай
И так уже ты вся остыла
Тебе и в волнах горячо.

Вот и я на плечо ей что птица взлетела,
Чтобы наши черной небольше взвалить

И мы втроем через море - из мира
Летим, чтоб ее развеять, разбить.

И когда мы вживили в этот мрамор лиловый
Потемневший в дыхании долгих веков
Кровь живую и жили натужно-багровы
И нечистоты общих грехов

Там - высоко - в космической пыльни
(пролетев через шар насквозь)

Там - Творец показает очищенные камень и кость,
Мрамор с грязью так сроцены, слиты любовно -
Разодрать их и Богу бы было греховно,
Может быть и спасется все тем - что срослось.

2 окт. 79

Ночное купанье

Была я морем и волной,
Кровинкой Господней,
Земля кидалась подо мной
Как мученица в родах.
Была я морем и волной
И по лицу земли катилась,
Продолговатым яйцом
Все небо вокруг меня светилось.
И руки раскидавши в крест,
С утоншей головой -
Всю Землю облегала я
Космической змею.
И море скалось будто шар
Меж теменем и пяток,
Гудящий как ночной пекар,
Как сонм пчелиных маток.

Вокруг Солны быстро мутной
Ладью утной кружилась я
На содрогающемся, смутном
В темном сердце бытия.

80.

ЗАГИБ НА СТОРОНН СВЕТА

1

По извилиам Москвы, по завортьям ее безнадежным
Чья-то тень пролетала в молчании искром,
Изумрудную утку в пруду целовала,
Заскорузлые листья к зрачкам прижимала.
От трамвай-быка хохоча ускользала
И трамвайной искрой себя согревала.

Зазывали в кино ночью - "Бергмана ленты!"
А крутили из жизни твоей же моменты
Не сто раз. Кто же знал, что иначе кино арендует ад?
Что привязаны к стульям покойники в зале сидят,
Запрокинувши головы смотрят назад?
Что сюда их приводят как в бани солдат?
Телеграмма Шарлотте - "Хду, люблю, твой Марат".

Скинула сеть шкур, восемь душ, все оденды
А девятую душу в груди отыскала,
Она кротким кротом в руке трепетала,
И как бабе с метлой, голубой и подснежной,
И ее глазки преткнула и она умирала.

Несмотри - небесвод весь застывши и сияются крылья и
перья
Их недолю не вымести - зарыться навеки теперь в них.
Несмотри - под луной пролетают - Лев, Орел и Телец,
А ты смысь, ты лежишь среди тела змеиных колец.

61.

Где же ангел, ты спросишь — а я ведь тебе и отвечу —
Там где мрак — там сиянье, весь мир изувечен.
Мраком ангел извился как цепким растеньем,
Правь на черную точку, на иглу запустелья,
Правь на темень, на тьму, на утесы, на смутное — в нем
В прятки ангел играет — да вот он! в земле под ногами,
Он не червь — не ищи его в поле ты роешь,
Видишь светлые птицы к зиме пролетают на поле?

Посмотрела она, застонала
И всю ночь с зубцы заинялась летала
И закапала кровью — больницы, бульвары, заводы.
Ничего! Твоя смерть — это ангела светлого рода.

17 октября 1978.

II (На мраморную статуэтку)

Девушка! Вы что-то обронили?
Ах, не важно. Это так-стуника.
Как перчатка узкая. И пылью
Голень перазвяялась, звеня.

И гляди на вас я хватилась себя —
Нет старой любви, нет и этой зимы,
И будущей — только на мачте огонь
Горит синеватый. Да реви из тьмы.
Да стан ладоней кружат надо мной,
Как чайки и память уносят, клюют
И тьма kosteneet и скалы хринят,
И ткань будто близко и яростно рвут,
И жизнь расползается в масляный круг —
А точкой болимой быка. Обломки плавут.
Скажи мне, родимая — я ли жила?
В лазури скользила, плыла?
Изумрудную травку с гусыней щипала, рвала
И мы с ней шептались — да-да да ха-ха?

В луже вечность лежала, и я из нее и пила,
Разлилась эта луга, как море, где волнах - ножи,
Они рубят и резут. О долгие проводы - жизни!
А ведь Бог-то нас строит- алмазы
В kostяные сирыи вставлял,
А ведь Бог-то нас строил -
Как в снегу цикламены сажал.
И при этом он весь трепетал и горел и дрожал,
И так сделал, чтоб все трепетало, дрожало, гудело,
Как огонь и как кровь - распадаясь в темноты летело -
Где сразу тебя разрывает на части,
Вливается в илечи голодные пасти,
Винь памяти соты - они не в твоей уже власти.
И только любовь - будто Лота жена блестит,
Копьем в этой бездне глухой висит.
Где полюс Вселенной, скажи мне, алмазный магнит?
Где белый и льдистый, сияющий Тот,
К которому ичатся отныне и Нансен и Пир и Скотт,
Чрез тьму погоняя упряжку голодных теней?
И тоже туда, где заваленный льдинами спит
Лиловый медведь - куда кажется алмазный магнит.
Горит в небесах ли эфирный огонь
И глаз косяки пролетают на Иг.
Птицы - матерльные крестики Бога!
Много вас рвется- и снова вас много
Вы и проводите вас до порога
Синих темнот, где найдем мы упряжку и сани,
Где через вечную тундру дорога -
Так мы уже не собьемся и сами.

II

Встань - не стыдно при всех-то снять?
Встань - ведь скоро пора воскресать.
Крематорий - вот выбрала место для сна!
Встань - поставил я шкалик вина.
Господи, отблеск в витрине - я это и есть?

В этом маковом зернышке воллетилась я здесь?
Что ж! Пойду, погляжу цикламен в трескучем снегу,
И туда под стекло — птичкой я проскользну, убегу.
Да и всякий есть птичка — на ветке пюща
И никто его слушать не хочет, а он разливается пуще,
Золотым опереньем укромясь погуще,
Погадай, погадай на кофейной мне гуще.
Потому что похожа на этот я едкий напиток,
Потому что я чувствую силу для будущих питок.
Боже, чувствуя — на страну я похожа Корею,
Наступи на меня и я пятку Тебе согрею.
Боже, выклой зерно из меня поскорее.
Солью слез Твоих буду и иши солься
Всяк есть птица пюща — так хоть на него полюбуйся.
И сквозь снег, прорывав, прорастает горячий цветок.
Позвоночки строим летят на Восток.
Форма ангела — ветер, он войдет незаметен,
Смерть твой контур объест, обведет его четко —
Это едкое зелье, это — царская водка,
И лети же в лазури на всех парусах,
Форма ангела ветер — он дует в висках.

17

На Запад, на Запад тропов теней
Все с носом уносит — туда, где темней,
Обноски и кольца и лица — как шар кегельбана
как в мусоропровод — и все растворяет в тумане.
Так что ж я такое? Я хляби предвечный сосуд,
Во мне Средиземное море приливом, отливом мерцает.
Я уши заткну и услышу — что в ракушке шум
И сохнут моря и сердца их.
А что остается на сохнущем быстре песке?
По пальцам тебе перечисль в тоске
Моллюски и вирши и слизни и локон
но вот уж песок поднимаясь зачмокал.
Человеческий голос, возвышаясь доходит до итичего крика, до пенья.

Ах, вскричи будто чайка и ты обретешь смиренье.
Я и так уже такая до отвращенья.
(Цветы от укуса цвели, хотя стоял мороз,
Антихрист в небе шел - средь облаков и звезд,
но вот спускаться стал и на глазах он рос.
Он шел в луче голубом и тонком,
За ним вертолеты летели верные, как боленки.
И перед на коленях стоял и крестился в потемках,
Он приблизился, вечный холод струился из глаз,
Деревянным, раскрашенным и нерожденным казался.
Нет, не ты за нас распинался!
Не он мерно и четко склоненных голов касался).
Все с всем уносит - и только святые приходят назад -
(Вот Ксения- видишь? - босая - в гвардейском мундире

до пят,

Кирпич несет Ксения и nimf изо льда полыхает над ней).
Все ветер уносит на запад тропы теней.
И стороны света надергало пространство крестом,
Как в трещащем и рвущемся ты устоишь - на чем?
Лучше в небо давай упорхнем.
Туда - на закат, где бледна Персефона
С отчаяньем смотрит на диск телефона,
Где тени и части их воют и страждут
Граната зерном утоляешь ты и голод и жажду.

30 дек. 76

Виденье церкви на водах

Бла вдоль залива вся в слезах,
В тоске- в глубокой темной шельфе.
И вдруг - далеко на водах
Звон колокола колокольный.
И я ступила на волну
И выиг- какой- не знаю- силой
над мокрой пронеслась могилой
И вот- у пантеры стою.

Залива разливалась вольно туль.
Качалась церковь на водах
Не из железа, древа, глины-
Из тонкой-тонкой и шириной парусины-
Без чистых испорочных душ.
За облаками купела
И на коленях я вползла.
Когда направо храм склонился-
С хоров плач горький раздавался,
Когда налево храм кренился-
То ливень утешений лился,
И снова горький плач в ответ.
Икон не видно в свете мглистом,
Сиял в окладах синий свет,
Багровый, светло-золотистый.
Там отневали альбатроса,
В гробу лежала Строк-рыба,
Из сребро-голубых торесов
Там алтаря стояла глиба.
Горели свечи и свечка
Евангелье в слезах читала,
А стал ангелов из окон
Большой тяжелый руль вращала
И все морестей забирала.
То парусами обрастила,
То их теряла,
То будто рыба, будто саван-
И ввысь взлетала.
Пыла холстинная скала,
Шумели рыбьи-Отодбрите!
Стучали волны-Отворите!
И мрак толкал колокола.
Из трюма Вечность приветствала,
Она как будто кочевала
По океану в юрте. Веки
Подняв спущенные- сама,

Крича о грешном человеке,
Молитва кинулась в туман.
И кто-то взял меня и бросил
Лицом в ржавую осоку.
Сонарь рыбачий одинокий.
Ворт небесные матроны,
Затеплив месяц темноокий.

31 марта 79.

(Два аспекта)

I

Вот не думала, что доживу, дожду
До подгнивших слив в дрожающем саду
До августовской поворотной ночи-когда
Червь не минует ни одного плода

Хоть еще далеко до злыx холодов,
Но дубеет уже кожа нежных плодов.

В зрелости и разложенья пьянящем соку
Иным уснешь, а проснешься - со смертью в боку,
Со старостью, исущей в кончике языка,
Громко она закричала, проснувшись в горах

И кессенися мы с ней друг другу навстречу,
Исия глаза на глаза, плечи на плечи.

II

До того, что буду скользить меж звезд,
Волоча скреневый скользкий хвост

Что станет ясной морозной моя голова,
Но хмельные прорастут из меня слова

Как из целей Дионисовой лодки-лозы
И вылетят из меня торопясь стрекозы.

Месяц-Луна

Что это ты вырестил, небесный Пьеро,
маленькое на темени перо,
Или светлячий такой волосок,
Раскаленный огненный червячок
Ли колосок?

Лысым был от века, лысым был в купели,
Потемнели веки, губы почернели.

Где Луна, где Месяц- нет сестры и брата,
А сливаясь летят куда-то

Месяц волосат и Луна лохматы.

Все существа на грани двух полов
Как будто знают. И всегда лукавы.

Хоть злы, но источают клейкое прельщенье,
Когда добры-то ангелов превыше-
Но это для межполых-извращенье.

• • •

Из рук скользнул он как лоза:
— Дети и не смотри назад.
Когда же ангел закричал,
Заверещал, закукарекал,
Тогда я стала человеком,
Табак мне бросили в глаза.
Я очнулась синей, красной и бледной
На лопате деревянной, тупой.
Меня месили, мяли, били,
Пекли, кололи и давили
И били- прямо на кивом,
Шестом толкнули, я упала
Вниз по трубе горячей алои.

Глаза разъяла я с трудом
И родилась чрез печку в дом.

• • •

Судьба плетет помельче сети,
Чтоб в них позастревали дети,
Но я... я вырвусь из сетей.

Я родилась с ладонью гладкой,
С ладонью ровной манекена—
Цыганка мне не нагадает
Казенный дом или измену.
Не нагадает мне любви,
Не напророчит мне размужи—
В высоких складах синевы
Мне не хватило бичевы,
Когда ее вживляли в руки.
Ладоней мне не разрезали
И звезд на них не начертали,
Не рисовали линий в них,
Нет для меня любви и смерти
И встреч нежданных роковых.
Ко мне ночами прилетает
Мой фатум с тяжкою сумой,
Насбитой до краев нетраченной судьбой,
Царящая бессильно мне ладони
И подымая в свете синем тонет
Мой рок и невинный, голодный, мой чужой.

Всегда найдутся— подлец подлых,
Хитрец хитрых и злее злык,
Но есть на свете— добрец добрых,
Умнее умных, святей святых.
К чему стремится бесконечность,
Рост и пределов переход?
Есть люди ангелов светлее—
Им все известно наперед.
И выведется и родится
От них и будет жить Старик,
Он хомя перейдет границу
И Богу будет он двойник.

Татуировка на крови

За то, что мне в мороз холстокий
Сидеть так странно одинокой,
Холстей— я грозно отомщу!
Я на крови твоей промерзлой
Артериальной и венозной
Резцом зашитьте начерчу.

Зот на крови твоей застылой
Я буквы вырезала— вот
Они в твоих кружатся жилах,
Дробятся в очи и в живот.
Твое я сердце искусство—
Такой себе устрою мир,
Твоя душа, твоя вторая
И нежный внутренний замысел.

И не поймешь ты- что такое
В тебе летает и горит.
Любовь горит шахтерской лампой,
Зимой безрадостно горит.

Татуировку на крови-
Бе не вытравишь никак,
Когда ты станешь стариком-
Я солью закричу в костях.

Лин.79

В отставке (Мамонов и Екатерина)

Идет гвардеец как на битву.
Судьба драконит, манит- Иди!
Багает он, творя молитву
И вот- мерцанье впереди.
Она! И третий глаз качнулся из рубина,
-Вейди- ему сказала Катерина.

Чрез десять лет- в задуменной малиной
Усадьбе- он зовет себя скотиной
И кроткую дубасит он жену
И вопиет, что любит он одну,
Кричит он в ночь безглавую, тоскуя,
Ту мертвую, ту старую такую
И юного себя и царственный живот
И золотом ее отруился пот,
Бе объятый медленную тину.
(Императрицу приебняв нагую,
Он ей признался- любит он другую,
И последнев как новая перина
-Женись- ему сказала Катерина.
Была на свадьбе красеней павлина)

Теперь казнись, язвись же, дурачина.
Зрачок сиял тихий как держава
И в уныньи оживала слава
И как страна она внизу лежала,
Бе уж не скрывало одяло,
Завивы вены как изгиб реки,
Как рыбой полный серебристый Дон,
Урал пересекал ее ладень,
Алмазные струились позвонки.
Торчали зубы остров короной.
Империя ли может быть влюбленной
И можно ли обнять страну,
Обнимши женщину одну?

И если мысленно продолжить
Ее раздвинутые ноги -
(О ты- завершение равнин!
Те под одной пятой- Барнаул,
А под другой- Сахалин.

Кострома-Днепр
(реконструкция мифа)

В краях ингерманландских,
Где все недужны, все -
Катится Стрибог властный
На черном колесе.

Зеленые боги, славянские боги
Проснулись весной холодной,
(Они топотали, сверкали их роги)
Стадом пьяных слонов голодных.
Нептунались они и крутились,
Вортелись они все быстрей:
Праздник праздников,

Радость радостей,
Кровь и золото,
Царь царей.
Немно- вспыхала хладная Мара
Крови отрока Костромы,
Ила за ним то волчица старой,
То змеей выползала из тьмы.
И прикинулся он девицей,
Смотрит в речку- узнать ли кому?
Накинела, сдется птицей
И проткнула печень ему.
И кричали тут старые боги,
Было много их диких, родных
И ногами они топотали
И воскрес он от топота их.
Встали кругом они над ним,
Он воскрес- но в подземной печали
Дним, светлым, глухим и немым.
И пришли времена тут строги-
Что-то прынуло с неба, с земли,
Заричали грозные боги
И под ноги церквей легли.
И поют они лежа под спудом,
Под белым камнем церквей.
Праздник праздников,
Радость радостей,
Кровь и золото,
Царь царей.
Боги превные- вы стали ныне
Леними и домовыми,
Рыболовами ночных-водяными
Все не прискать вам домовому.
Размазал по лицу малину леший,
На месяц полный он венил,
Он винью-тварь был безгрешной,
-О вине, Луна- он молни.

Под локти лунь и выпь вели
Его домой— под корни— вниз.
И Кострома искал земли,
Славянский тихий Дионис.
И соловьем пропел вдали.
Помнят это только корни сочных трав—
Рогоз, аир и осока,
Да злые птицы во тьме дубрав
О Ведесе в лесе вонят высоко.
В ночи волглие
Всёт величество
Зеленявое, волосарей:
Радость радостей,
Праздник праздников,
Кровь и золото,
Царь царей.

май, 80

Церковь в Андрониковом

О звезда моя— после разлуки
Ты снять преломила синю
И просыпала тонкие руки
В сердца влажное полотно.

Может быть ты хотела уверясь,
Что там нет ничего— пустота
Взять зеленую тонкую ересь—
Обожание злого хвоста.

Иль хотела она изщупать
Будто крачник добычу луком
И потом ее выдернув грубо
Сделать вид, что и она ни при чем.

Вынуть, выдрать она хотела
Нечто забытое до сознания,
Что-то зарытое в хламе тела-
Зеркало, первое или коренья.
Я в Москве, в самом сердце московском
Камень впитый нечла,
Кость округлую, серу, известку,
Проще ж- это церквишка была-

Или это кусочек ключицы
Или частица древних колен,
Она и твердеет, она и светится,
Потому что Москва-андроген.

И я замолилась- не убивай,
Быть, ты видишь- меня древней-
Ище невидимый что ли в ней,
В трубочку свернутый рай.
В полночь дверь отворю в тишине-
В тонком пламени светлых колен
Там стоит прислоняясь к стене
Босиком на промерзлых камнях
В забытый древний царь Соломон-
Со своей головой в руках.

26 янв. 80

Авраам и Троица

Нет, не тому я удивляюсь,
Что в поздень у шатра валялся,
Он увидел крылатых трех
И сразу понял- это Бог.
Но как- к нему не прикасалось,
Он понял сразу, что Господь-
Источник жизни, смерти, тайн
Фдет во плоть,

Что он здесь- гость, а ты- хозяин?
Тельца для тела заколоть.
Мигнул, толкнуя, обернулся-
И хлеб в кадушки замесился,
Потом толкнул слугу ногой,
Скакнул тот на теленка исконного
И вот уж льется кровь рекой
Под му-у смиренно-безнадежное.
Надмирный, легкий и прекрасный
Кусок тяжелый, ломоть красный
Поднес к устам, вкусить не смог,
Был хлеб, сломав напополам,
Пока с незагорелых ног
Тяжелый первый груз дерев
Снимает Авраам.

Зачем коснулась кровь уст его?
Зачем он- Тройственный- так одинок?
Ужели страдание наше- предчувствие
И може отчаянье- только намек?
Ем хорошо там и светло,
Но горестно одним,
Крыло вливается в крыло
В nimbus целует nimbus.
И спотались татарник, полны и ковыль-
Как спустились они в чечевицу, в зерно и пылинку,
Уходили полными, петляли тропинкой,
Авраам повалился в пыль.
Тяжело он упал, руки робко тянул им вслед
И не видят, что плынулся в космос всем телом,
Переплеснут эфир, через край перелился свет,
Лихет Бога пяту языком своим белым.
Авраам свою шею подставил как вол
И на ней утвердился Божий престол.
И как море душа поднялась все выше,
Вот уж в лодке ли, в яльке он Бога колышет.

• • •

Они шли. Третий чуть отставал на закате,
В винограднике алой надкусил недозревшую ягоду Он,
Ты, в чью кожницу тонкую силой любви и заклятий,
В чью скромину, будет навек заключен.

ноябрь 78—15 дек. 79

МАРТОВСКИЕ МЕРТВЫ

1

Веришь ли, знаешь ли?

Пусть церковь тоже человек
И вросший в землю микроГодом,
А нас ведь освятил Христос,
Так вознеслась главой своей
Преимуще каменных церквей.

Раньше я все мысли говорила,
И тогда была как люди тоже,
На свечу ночную на могиле
Под дождем весенным я поехала.

Оглянулась, оборотилась:
Есть у церкви живот, есть и ноги,
Но живот она в земле врылась,
А земля— грехи наши многи.

Есть и сердце у нее,
Через кое протекали
Поклонения на коленях,
Что кровники— тень за тенью,
Гулкий шепот покаяния.

Из тела церкви выйди вон
В своем я уместилась теле,
Алмазные глаза икон
По волчьи в ночь мор смотрели.

Темное тайное видно всем ли?
О сколько раз, возвращаясь вспять,
Плаку хотела, бросаясь в землю,
Церкви в трещинах целовать.

И крестясь со страхом и любовью
В ее грудь отверстую скользя,
Разве мне ее глухое кревью
Стать как этим нищенкам нельзя?

II

Черная бабочка

Звезды вживлены в крылья,
В бархат несминаемый вечный,
С лицом огромным мех нежных крыл
Мужским и нечеловечьим.
Из винтовок она вылетает,
Впереди пули летят,
Кто видел ее - не расскажет,
Как она свое стадо клеймит.
Называли, именовали -
Ангел смерти трудолюбив,
Океаны что мыль пролетала,
Каждый колес ревниво срезала
Из бескрайних все новых нив.
Закружила она, зашептала,
Легким взмахом сезанье темни:
Как же ты веротиться мечтала,
Если ты видела меня?

Где соловей патер алмазом дробным
 Из холщевины небеса,
 Там умирала как на месте диком, лобном
 Оранжевая полесса.
 Звезды расколотым срехом
 К деревьям низко подняла
 И будто ночи этой эхе
 Духа полночь моего была.
 Там луны нестрые сияли
 И звезды смутно голесили,
 И призраки живыми стали-
 Входили, ели, выходили
 И жадие и усталое жили.
 Там звери чье-то тело тащат
 В нагроможденье скал
 И с глазами мертвым, но горящим
 В колодце темном и кипящем
 Бог погребен стоял.

IV

Весной мертвые рядом

З мертвых холодном песке
 Стаку я я песчинкой,
 На голубом виске
 Разведу лепестки и тычинки.
 Луна пролетает горя
 Только на эта, другая
 мертвых холодных моря
 Без берегов и края.

Подросток только он один— он однокость с
 Богом делит,
 Но уж зовет новодыря его душа привстая над
 телом

Никогда ты не будешь уже единоким- это верно
тебе говорю -
Духи линнут к душе- вследу кто-нибудь будет-
в аду ли в рай.

Душ замученных промчался темный ветер,
Черный лед блокады пронесли,
В цем как мухи в янтаре лежали дети,
Мед давали им- не ели, не могли.
Их к столу накрытому позвали,
Со стола у Господа у Бога
Ничего они не брали
И смотрели хоть без глаз, но строго.
И ребром холодным отбивали
По своим по животам поход-тревогу.
И тогда багровый лед вырнули вниз
И разбили о Дверцовую колонну
И тогда они построились в колонны
И сребристым пражом унеслись...

Может, я безумна - о лес!
Ах, некойников шумят бер спрой и лес,
Ах чего же вы шумите, что вы стоите?
Не ходила на кладбище по ночам,
Так чего ж вы стали видны и гоните?
и не тратьтесь на меня по пустякам.

И ты, поэт, нездешний друг!
Не и тебя мне видеть жутко,
Прорес ты черной незабудкой,
Смерть канаёт из глаз и рук.
Он смерть несет как будто кружку
Воды колодезней холодной,
Другой грызет ее как сушку,
И остается все голодный.

Моя душа меня настигла- ой!
Где ты была- неважно, Бог с тобой.
Любовь из пальцев рвется ко всему,
К уроду, к воробью- глину Твоему.

А вот и кровь бредет- из крови волос-
Розовые закатила глаза.
Я человек- она плачет- я ханду!
О Маринетти- я в улю,
Ну так я страдаю.

И все-таки могучий Дионис,
Обняв за икры Великий пост,
Под лед летает к рыбам вниз
И ниже-ниже- выше звезд.
И в их смешеньи и замесе
В их черно-белой долгой мессе
Ползу и я в снегах с любовью
Ем серый снег вразмешку с кровью.
И в эти дни, в Великий пост
Дождь черный сплется от звезд,
Кружком обсели мертвцы,
Повсюду волочу их хвост.
И Диг со скальпелем своим
Надрежет не колеблясь душу
И имя тайное мое
Горячим вдышит ветром в уши.
Косматый ирак с чужим лицом
Моим прикинулся отцом,
Свою непрежитую силу
Из жирной киевской земли
Из провалившейся могилы
Зливает в вену мне- возьми!
Нет, не про вас души алтарь!
Что надо вам, умершим всем?
И так я как безумный царь
И снег в глину, звезды ем.

Пью кровь из правого соска
Такую горькую-напрасно
За плечи тащите меня
В ад как в участок вы- так страшно.
Всю вашу цепь столкну в овраг
Душой, не телом, в теле тесно,
Когда Страстной я слышу шаг,
Гром тишины ее небесной.
Вы, звери, крыльями шумя,
Хотите поглотить меня,
Вы птицы, сладкий тленный мозг
Из кости алчете- из сердцевин.
Аркольский я- пусть слабый- моest,
Толкнете- полетит в пучину
Космический Наполеон,
И мир и свет и блеск времен,
Стоят, меняя маски, лица
И пятки мне вдавлив в глазницы.
Мечи вы слышите ли звон?
Всю вашу цепь столкну в овраг,
Душой, не телом, в теле тесно,
Когда Страстной я слышу шаг
Гром тишины ее небесной.

у

Смерть- это веселая
Прогулка налегке,
С тросточкой в руке.
Это- купанье в молоке младенца.
Это тебя варят,
Щекотно кинутят,
В новое платье
Одеть хотят.
Смерть-море ты рассвета голубое
И так в тебя легко умирать
Как было прежде под водой

Быть, нырять,
Разглядывая призрачные руки
И тени ног,
Так я смотрю сквозь зелень, между разлуки
В мир как в песок.
Ты умер- расцветает снова
Фиалковый цветок.
Ты, смерть, ищела и ты сгустить готова
В мед алый сок.
Не бойся синей качки этой вечной,
Не говори- не тронь меня, не тронь,
Когда тебя Господь как старый хемчуг
На левой катит в правую ладонь.

весна 80

НОЧНАЯ ТОЛЧАЙ

Одежды ангелов суть их тела

1

Усилие

По эту сторону бисеня
Сердечного- я в темноте,
Но я за граву хвать мгновенье -
Ему уже не пролететь.

Как рыба в дыры под землей,
Соединивших две реки,
Так я скользнула пустотой
Напрягшись, тяжкой стрелой
В жары духовные- рукой
Души, самой душой
Небесные задеть огни.

Чтоб все бесовское во мне
Признали ангелы своим-
Раз прокалил его в огне
Своей печатью Злохим.

Так вытянувшись и закрыв
Глаза земные, земные
Я помнила, что тьма была
Когда-то Богом, но стекла
Землей сгустясь, а я искала
И светом я верну ее в края родные.

II

Ночь. Переворачивается карта
Свою черной стороной.
Она сначала без азарта
Бывает, козыряя мной.

.....
Туманный передернет снова,
Трехглазый неизвест- не отдашь,
И вот уж я - валет трефовый -
Разорванный наподолам.

III

Темный ангел

Все это было ее иное во сне
При голой и скользкой и смелой
Луне

1

Проникновенье пары в пар
(а сонная луна есть дым непрочный)
Или невиннее всего
Иль может быть- всего порочней.
Как бы повторяя наденье
Ангел свалился с небес

И в темное облако слившись,
Кружили мы под потолком.
И кости мои растворились
И кровь превратилась в икору, ^{*)}
Чужим ли крылом, земным
Я просовала вздохнуть.
Долго же мне он искался -
Как будто зерно искал -
В котором вся сладость земная
И тайна - и не отыскал.

II

Темный дух в душе моей
Проникнул в вене кровенесной
Из тела выщелушился я
Большею стану вдруг и грезной.

Огненным сияющим медведем
Всю меня свечением обняв,
Трепетом все кости мне сломан...

В нем обида темная играет,
Ты не видишь - я ведь умирал,
Люблю душу тела вне всею корчит,
Он меня зацепчет, защекочет,
Цляя покирает мой подсвечник,
Нагляди - ведь мы насыпим в вечность,
И со мною скоро ты растаешь
В сполохах и вадках. Понимаешь?

14

Нарцисса я сужу за недостаток
К себе любви.
Уж я-то не поверю страшеньям
В воде ль, в крови.

*) Икора - кровь богов (в греч. мифологии) - прим. автора

Ах эйджелс, духи, когда бы вы могли
Хоть на мгновенье
Рухонемого "я" извлечь коренья
И стебли бледные из бешеної земли.
Когда бы устроили одно
Мне с ним короткое свиданье,
Чтоб прощанье мне сно
Свои желанья.
Его слегка поцеловав
Я буду знать, что я жива,
Я буду знать, что "я" не мно
Спит в черноземной губине.

У

Имя с окнами на запад и восток
Дал мне Бог.
А душа открыта на все четыре
В ней кто хочешь живет— как в своей
квартире.

Диалог

— Вы ли — те ли?
Вы откуда вылетели?
Вы наверное оттуда
Нельзяется где Буда?
— Мы серые души,
Ненужные души,
С тобою хотим мы сцепиться
И кровью твоей насладиться.
— Умру я и стану таким
Как вы беспризорной душой
И одиною из неисчислимых
Холодной искрой огня,
Закружусь пред глазами любых
И они не узнают меня?
— Мы не грязные души,

и никто нас не сущит
и никто не мучает нас,
никого не любили,
нас за это забыли,
ты открай нам на миг своей глаз.
Мы просто пыль,
Мы пыла тень,
Открай, открай
Ресниц плетень.
Видишь - брат мой совсем
Озяб и премок
Створи, створи
Зрачок.
Мы пришли из такой далекой тьмы,
Глубже ада она и черней,
На мгновенье - и сразу скроется мы
показай ты нас, показай.
Ты не бойся вреда,
Только крылья погнуши,
Улетим навсегда,
Ведь не злы мы души.
- И впустила я их,
Этих членов чужих
И теперь их поди прогони,
в хрусталик въелись они.
- Нет, в море хладного злого огня
Мы не уйдем назад.
- И если окликните вы меня,
Они вам посмотрят в глаза.

У1

Ночная толчая

1
И днем бывает иногда -
И рыбкой пойманной блеснет
Вдруг ангел -

но уж смыкается вода,
вода слепого дна.

Зато уж ночь —
ангелов круженье,
демонов киценье,
А уж заблудшие души —
Что вестовые в сраженьи.
Я руку подниму
И стану пестрых душ
ее проникнут горячо
они влетят как птицы в тучу
и вылетят через илече.

Во тьме меж мною и стеной
порхает серебристый рой
вся их толпа синя, бела
спешат, спешут куда-нибудь
В тьма всегда для них была
что смертным — зимний путь.

Вот души — радужной микробов
исцвечивают иглу детла.
Куда спешат и где их дом?
И тьма всегда для них была
Увеличительным стеклом.

Людей и ангелов такая
Толчая
Тебя не същет никакая
Гончая.

Давка — как много их,
исяному дай пролететь,
будто конвертов живых
белая круговорть.

Что вы, люди и духи,
Что вы несете в браже?
— Иринку. Лену. Весть.

II

Все смылется пасок ночной,
Ночь превратилась в снег.
Бомсы - за этой мелкотой
Во след придет другой.
Умрет, бывает, человек,
Один иорей глухой,
Подумает - инфаркт, инсульт...
А нет! Убийство тут.
Убийцу в суд не позвовут
И оправдали бы там,
Он убивает только тем,
Что существует сам.
Вот контур легкий замуркал,
Сгустился темный свет,
И сердце ужас смертный скан...
Свидетелей-то нет.

III

В ангельских вику повадках я нечто дельфинье.
Вот изогнувшись ныряют всем скопом.
Крылья их тонкотканых сияющих клины
В воздухе чертят круги и змеиные тропы.

Вот кувыркаясь летают вверх-вниз
И воробышками вьются
Ух меня обленили они что карниз
И смеются.

Может быть часечки прижимай к луне
Хотя ее осталась на дне -
Вот и мерещится мне.

В ангельских вику повадках я нечто павлинье,
то разгорятся, то гаснут,
Вику тела их из огненных линий -
Это снасмо.

Так на вид — просто облажко, светлый дымок,
Глаз в середине, как щупальце спрута- ресницы,
То пикуют прямо в глазницу,
то как пробки летят в потолок.

То на ресницах сидят и болтают
горячкой огня и зерна
Внутрь влетают и вылетают
будто я им равна

Aх! Равны мы и вправду, сущестные тени,
Хоть для вас я что бабочка — глиняный дом
Мы равны, мириады, обломки, ступени
И по ним спотыкаюсь бредем.

дек. 79

РОДЛСТВЕНСКИЕ КРОВОТОЛКИ
(нищенка с червонцем, дерево с дарами)

1

Нищие
Где же нищие? Куда их дели?
За небесной чеснай улетели?
Говорят- они разбогатели,
Миллионы- судачат- в трянье они прячут,
Они нас с собой бегаче.
Аще сышешь ты может быть нищих
Только в церкви да на кладбище.
Не увижу в грязи я стоящую пляну
И во тьме у нее серебристый улов
И немого языка, что бешеным кляном
Висят сколе слов.
У кого вместо бедер колесики были-
Те на них- на стальных- уже в рай укатили.
Не попросит старушки хлеба ломать
И не скажет вслед - Спаси тя, Господь.

И придется мне их заменить хоть собой
И нет пля бродить в переулках с сумкой,
Целовать всем прохожим ноги,
Становясь гохубой и убогой.
Как тот блаженный терпеливый,
Осклизлый синий и червивый—
Почти землей был для Грина,
Ведь нищий это— Бегу ниша.
Он умалылся, Бог в нем окил
И руку протянул прохожим.
Любви, любви— небесной пищи
Пресил Господь всем чревом нищим.

2

Символ

Нету моей замшелой лиры—
Дуба, что рос здесь на Черной речке,
Его спилили, срубили, спилили
И не поставишь даже и свечки,
Нету для дерева рая, нет и магии,
И когда вспомнишь острие ножи
В нежно-шершавое и бескомодное тело,
Мне приснилось— что со скалы
В пронасть я полетела,
То ль душа его прилетела
Со мной навеки проститься,
То ли в смертной тоске хотела
За душу мою уцениться.
Пустоту вытеснило сто лет
Его сложное сильное тело,
Вот уж взяла свое!
Нагло вияет и равнодушно—
По торжеству пустоты
Мы всегда узнаем о потере,
Не име воздушной.
Нету лири замшелой,

А душу она исцеляла,
У нее глаза были
Ум был у нее.

Приносила я в жертву вино и монеты,
Два серебряных там зарывала браслета
И она меня обнимала, лечила,
Как увидит- всеми листьями ахнет,
Грубо нас разучили,
Разделили- и я умираю и чахну.

3

В сквозняк врезается звезда,
А за окном хрестенье льда,
Пусть все во мне горит, дрожит,
Любви порывам надлежит
Умолкнуть в ночь- когда
Зовут, звенят колокола,
Мгла в небесах так зелена,
Там сумеречный лес.
-Возьми моих два-три ребра
И исцелуй их до утра
До сини- пепчет бес.
В простые дни совсем не грех
Любить любимых всех.
Но ниче нас зовут. - Пойдем!
А мы упрятались вдвоем
В хрустальный злой орех
И сотни, сотни нас.
Пусть истлевая как свеча
Погаснем мы сейчас
За то что двери не нашли
А спрятались в алмаз.
Святые надушились все
И в небесах плывут,
За окнами и хруст и гуд,
Стучат в окно, зовут.
Господень ноготь прочеркнул

Стекло- и вжикнув, стихнух он
Как будто хриплый стон.

—За сладких несколько минут
Ты может вечность потерял,
Не жаль тебе, тебе? — Молчах
И в сердце крепче целовал
В дрожащий перезвон.

4

Дышася, тщется из сердца
Паутинка горячая
Золотая-
Тебе никуда не деться
И ему никуда не деться.
Из кончиков пальцев
Без ногоруж
Стальнойю тоикой жарой
Обозвьись,
Я — наук
Золотой.

5

Пусть двух возлюбленных моих
Я затолкала в тесный стих,
Пусть даже больше было их-
Они не виноваты-
Они увидели во мне
Как в зеркале- брат брата.
В преступном и тайном своем седоме
Не меня они любят- кого-то кроме.
В этой жизни, где все только рокет и рнет
Пусть любовь моя их перевьет.
Перенутала я имена даже их,
Не узнала их тайные имя,
Те все были ведь греческих светиных святых,
Ну а те- из костей серафина.

6

Кому- думал Творец,
 склепив эти сложные глиняные кости-
 Отдам? На челюсти рыбе большой?
 Нет, певицу с душой.
 И отдал тебе- на норвежский свод
 ребер- изломанный согнутый вход
 Туда, где жизнь одиночно живет
 И знает- никто к ней сюда не придет
 И тихо исалом поет.
 Разве только любовь скользнет,
 Золотую свечу зажжет,
 В стучящий молотом водоворот-
 Под малиновый острый свод.

7

Вот она- только царанин-
 Кровь уже тут-как из-под носки белесто,
 Но глиняным тонким сосудам
 Багровое море
 Разлито,
 Мечтает-хрупнут скорлупой все лица
 И мы- ручейки и потоки-
 Сможем разливом весенним разльться
 И сльться!
 В крови-любовь,
 А в кости- стрижанье любви.
 Когда я наконец себя как кровь пойму,
 Сорону белую тьму
 И соленой пальмовой ветью
 Наклонюсь ко Геснеду моему.

8

Звезда по небесам идет,
 Звезда по облакам плывет
 И скачет через тучи.
 Она не мертвый хладный мер,
 Она есть дух могучий.

Гори-свети, и мол-гори,
Клянусь я всему крёлью
И всей, зарытой во мне
Божественной любовью —

Что то- не камень в облаках,
бездумно в цель летящий,
Нет- это дух, нет- это ум,
округлый и горящий.

Б больше я тебе скажу,
Раз уж такие речи,
Смотри- есть крылья у него
И дуком птичьи плечи.
Отец и Сын расчленены,
Он связывает горлом первым.

Как кровь от сердца к голове
В огне несет он вести,
Глаза покинуты к синеве,
Пойдем с волхвами вместе.

Он искры сыпляет в высоте
Путем из света в тьму
И шепчет, плачет в пустоте:
Я, Ты, они и мы.
Все перепутав и поняв:
Сон, Ягве, Элохим и яд.
Он знает-будет в темноте
В раскрытия он распят.

Он молнией ли шеровой,
Невидимым ли током
Летит над нашей головой
Всегда, всегда с Востока.

Кто бы мог
Подумать: каждый слог,
Союз какой-нибудь, предлог...
И жемчугом дрожали.
Каждая буква кровью налилась,
Забилась, жерлом в себя провалилась.
Как почка вскрылась буквотело,
Червячками полезли мужчиночки
Из каждой зияющей трещины -
И в тартарары их тонна полетела.
Стихотворенье лежало
Мертвой роженицей
В луже кровавой.
И я как бледный отец
Помяла наконец -
Что было мою забавой.

10

Под языком у жизни хале,
Сначала будто все ласкала,
Потом колола и кусала,
Кровавым ядом напитала
И ядовитую стала.
И вот сику я бритой нищей,
Что деточек своих покрада,
На гноице, на неплице
О корочке всех умоляла.
А темной ночью из подвала
Червонец красный доставала
И то плевала, то сосала,
То плакала, то целовала,
То слова в землю зарывала.

Так что же это там у неё?
Душа? Талант? Любовь?
Иль чья-то спекшися кровь?
Она как жизнь-кошкой,

Та тоже что-то прячет в нас
Или от нас, скорей,
Ах что?- Да голубой алмаз,
В нем горсточку червей.

И

Путешествие мертвого дерева
Деревья свечи все зажги
И машут головами
И лес мерцает и прожиг,
Марии он принадлежит-
Весь с хладными зверями.
В тот миг, как было Рождество
Всю души вышли из сков
И время, вывихнувшись чуть,
Скрепяясь пустилось в путь.

И древо ловкое одно
Выходит из ворот
И по сугробам прыг да скок
С зажженной свечой
И в горний Вифлеем бредет
За ким бы нам с тобой!

Волхвом, царем оно идет
Лицей горящей лирой
И мой браслет в корнях несет
В стволе- вино и мирру.

25 дек. - 8 янв. 80

0000000